

СУДЬБА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Сегодня вряд ли найдешь человека, который не слышал бы о проблемах Арала, Каспия, Кара-Богаз-Гола — горьких следах бездумной деятельности человека. Подобные проблемы мы еще недавно относили к географическим, а теперь чаще называют экологическими. Не потому ли, что географы вынуждены теперь доказывать, что эти проблемы в их компетенции. Не случайно география следует на третьем месте даже в названии «приютившего» ее Отделения океанологии, физики атмосферы и географии АН СССР. Мало числен и отряд советских географов. Между тем именно география, наука «школьная», должна прививать с детства умение смотреть на Землю и ее обитателей как на живое целое, как на наш общий дом, нуждающийся в охране и заботе. Причина того, что в нашей стране было воспитано несколько поколений «покорителей природы», конечно, не только в особенностях развития отечественной географической науки, а прежде всего в истории страны, с белыми пятнами которой мы сейчас усиленно знакомимся.

География не подвергалась такому тотальному разгрому, как, например, генетика, кибернетика, психология и т. п. Тем не менее и в этой науке бушевали свои грозы, ощутимо затормозившие ее развитие. Первый удар пришелся по краеведению, «уличенному» в шпионаже еще в конце 20-х годов. В 30-х годах была разогнана Центрографическая лаборатория им. Д. И. Менделеева, впервые обратившаяся к математическим методам в географических исследованиях, резкой критике подверглась антропогеография — синтез этнографии, природоведения и экономической географии. Все эти направления так или иначе были связаны с именем Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского, пожалуй, одного из последних географов-универсалов, внесшего крупный вклад в теоретическую географию, географию населения, политическую географию. Почти 20 лет Семенов-Тян-Шанский руководил созданным им в Ленинграде Центральным географическим музеем, с трагической историей которого знакомит читателей в этом номере научный сотрудник Института географии АН СССР П. М. Полян, долгое время собиравший материалы о жизни и деятельности Семенова-Тян-Шанского и подготовивший книгу об этом выдающемся человеке. Сегодня в нашей стране нет учреждения, подобного этому музею. Проблема же экологического воспитания в последние годы становится все острее. На вопрос, нужен ли географический музей в будущем, по просьбе редакции отвечает известный писатель-географ Ю. К. Ефремов, много лет отдавший музейному делу.

„Любимое детище“ В. П. Семенова-Тян-Шанского

П. М. Полян,

кандидат географических наук

Институт географии АН СССР

Москва

МАЛО кто сегодня знает, что в довоенные годы существовал в Ленинграде Центральный географический музей — третий (!) после Эрмитажа и Русского музея по богатству фондов. Ряд путеводителей и статей, несколько документов в архивах Географического общества и Наркомпроса и глав в объемистой рукописи воспоминаний В. П. Семенова-Тян-Шанского [27.III (8.IV) 1870 — 8.II 1942] — вот, собственно, и все, что сохранилось от этого уникального географического учреждения¹. Судьба «люби-

мого детища» В. П. Семенова-Тян-Шанского печальна и поучительна.

Но сначала о самом Вениамине Петровиче. От своего знаменитого отца —

¹ Возможность познакомиться с воспоминаниями В. П. Семенова-Тян-Шанского была любезно предоставлена автору Верой Викторовной Семеновой-Тян-Шанской, невесткой В. П. Семенова-Тян-Шанского. В архиве Географического общества СССР сохранилась 300-страничная рукопись неизданной монографии: Семенов-Тян-Шанский В. П., Недригайлов С. И., Дерюгин К. М. Труды ЦГМ. Т. 1. Музей — парк Мировой географии.

Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского [2(14.I) 1827—26.II (11.III) 1914], выдающегося географа, получившего почетную приставку к фамилии в 1906 г. за уникальные исследования Тянь-Шаня, статистика, общественного деятеля, вице-председателя Русского географического общества (1873—1914) — он унаследовал широту научных интересов. Окончив в 1893 г. по кафедре геологии и палеонтологии естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, он был оставлен для подготовки к профессорскому званию и вел самостоятельные геологические исследования в разных частях России. В 1895—1897 гг. участвовал в подготовке и проведении первой всероссийской переписи (в качестве секретаря Главной переписной комиссии), затем много лет работал в органах статистики, заинтересовался экономической, социальной и политической географией, топонимикой, краеведением, а после Великой Октябрьской социалистической революции — музейным делом.

Из его многочисленных публикаций некоторые считаются в географической литературе классическими — «Город и деревня в Европейской России» (1910), многотомная «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (1909—1911), наполовину осуществленная серия «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (между 1899 и 1914 гг. вышло 11 томов из 22 намеченных), инициатором и бессменным редактором которой он был. Наконец, итоговый труд «Район и страна» (1928), ставящий автора в число родоначальников теоретической географии, или, как он ее называл, геософии.

После революции Семенов-Тян-Шанский — профессор географии университета и других вузов Ленинграда. В 1940 г. за выдающиеся заслуги перед географией избран почетным членом Географического общества. Умер 8 февраля 1942 г., в самый тяжелый период блокады Ленинграда...

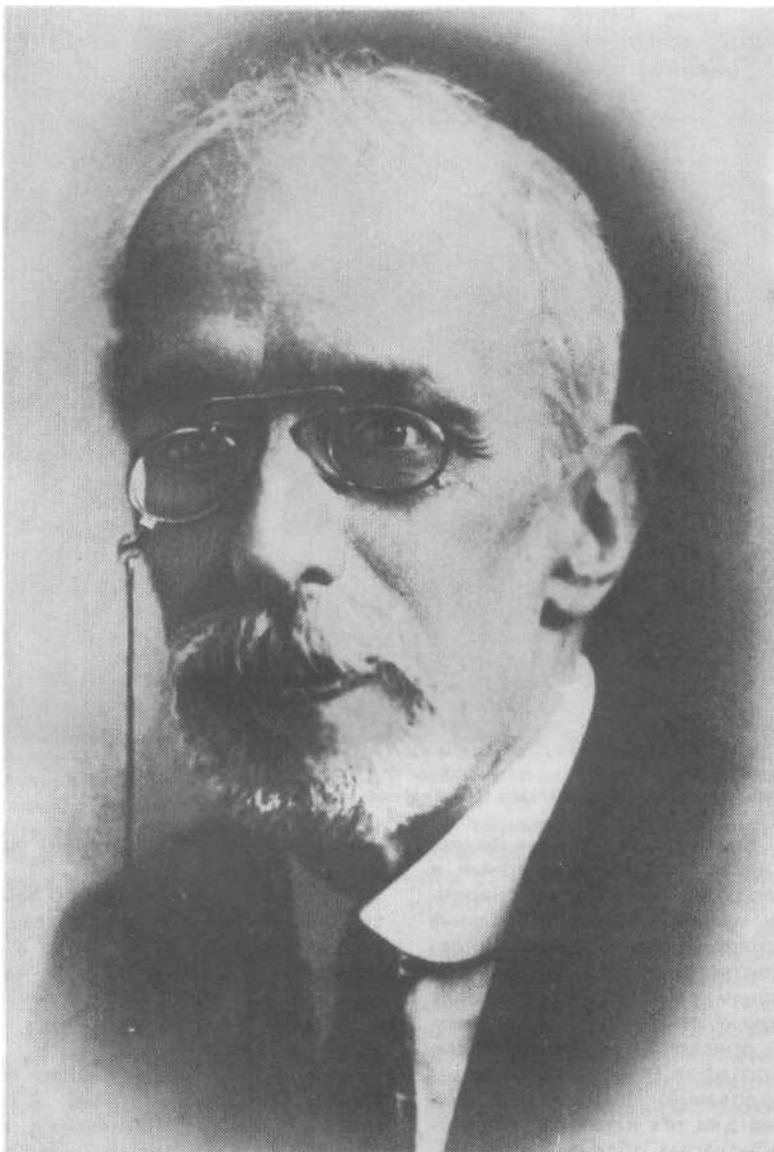
...А в другом голодном феврале — феврале 1919 г. — в Зимнем Дворце состоялась первая общемузейная конференция под председательством наркома просвещения А. В. Луначарского. Семенов-Тян-Шанский и не подозревал, что ему на конференции предложат организовать в Петрограде комплексный географический музей по типу шведского Скансена — первого в мире культурно-исторического и этнографического музея на открытом воздухе, основанного в 1891 г. Артуром Халемунном. (Почти одно-

временно похожий музей был заложен в Лейпциге.)

Сама постановка этого вопроса свидетельствовала о новом уровне географии, ее переходе от узкоотраслевых описаний к широким и взаимосвязанным характеристикам. Специализированных естественных музеев в России к тому времени было уже немало — Геологический, Зоологический, Этнографический, Археологический, а комплексными были лишь временные экспозиции национальных павильонов на Географической выставке в Москве и на Всемирных выставках в Чикаго (1893) и Париже (1900), а также азиатского раздела Нижегородской выставки (1896), ставшие «идейными» предтечами нового музея².

Первое заседание оргкомитета будущего музея Семенов-Тян-Шанский провел 21 февраля 1919 г., а уже 23 июня Наркомпрос РСФСР официально учредил Центральный географический музей с передачей ему Елагина острова с дворцом и прочими находящимися на нем постройками. Однако, кроме серии картин и диаграмм, оставшихся от выставки 1917 г., «Россия до войны и теперь», экспонатов не было, и зимой 1919/20 г. Семенов-Тян-Шанский в нетопленной квартире по старым этюдам начал писать географические пейзажи и чертить карты. Из них составили первую выставку ландшафтов Севера, открытую в Географическом обществе уже весной 1920 г. Энтузиазм директора зажег и других сотрудников, и дело пошло на лад: ширился библиотечный фонд, оборудование, академический таксидермист С. К. Приходько под руководством старшего брата директора биолога А. П. Семенова-Тян-Шанского быстро «наращивал» коллекцию чучел животных. Художественный совет музея заказал лучшим скульпторам бюсты выдающихся географов — П. А. Кропоткина, В. И. Ламанского, Д. Н. Анучина. К работе были привлечены два художника с немалым опытом путешествий — В. В. Эмме и П. Я. Пясецкий. Особенно впечатляли враждующие географические панорамы Пясецкого, изображавшие Монголию, Китай, Японию, Иран, район Великого Сибирского пути и т. д. Последняя панорама представляла собой уникальное цветное полотно шириной около метра и длиной в 2,5 км, намотанное на два больших деревянных вала. В специальной раме, словно на экране или в окне едущего вагона, тысячи будущих посетителей

² Ефремов Ю. К. Из истории создания географических музеев. // Жизнь Земли. Сб. 4. М., 1967. С. 244—255.

В. П. Семенов-Тян-Шанский. 1940 г.

могли увидеть и заволжские степи, и уральские горы — весь Сибирский путь от Сызрани до Тихого океана (на полный осмотр панорамы требовалось 2,5 ч).

Вскоре, однако, выяснилось, что Елагинский дворец мало пригоден для музея, и в 20 км от города музею предложили другой, более удобный и вместительный дворец с парком — в имении бывшего председателя Императорского русского географического общества великого князя Николая Михайловича в Михайловском близ Стрель-

ны. В обширных полуподвалах дворца гидролог К. М. Дерюгин предполагал в будущем устроить пресноводные и морские аквариумы, которые служили бы прекрасным дополнением к парку.

Имение Михайловское было расположено на склоне Лиговской террасы на берегу Кронштадской губы Финского залива. С дворцовой башни открывался чудесный вид на залив и синеющий вдали лесистый берег Карельского перешейка.

Вокруг дворца раскинулся большой

Особняк Бобринского, в котором располагался Центральный географический музей.

высококоствольный парк с лужайками и прудами. Парк был английский, нерегулярный и потому легче поддающийся перепланировке. По проекту геоботаника В. М. Савича порядок расположения растительности с севера на юг соответствовал естественным растительным зонам, а на холмах собирались представить горные ландшафты. Дорожкам предполагалось присвоить имена наиболее выдающихся географов (каждого — в «районе» его исследований). Намечалось возвести и типичные для тех или иных местностей постройки, которые обслуживались бы представителями соответствующих народностей. Была организована экскурсионная станция с пропускной способностью до 5 тыс. человек в сезон, намечалось открыть рядом опытно-показательный совхоз в надежде не только закрепиться на этом месте, но и получить для нужд музея дополнительные средства.

К этому моменту музей состоял из физико-географической части (отдел суши, которым заведовал Д. И. Мушкетов, а также географический парк) и антропогеографической, включавшей этнографический и статистико-экономический отделы. Позднее структура музея неоднократно менялась,

приспосабливалась к изменяющимся условиям «среды».

В беспрецедентную по замыслу экспозицию музея, долженствовавшую сыграть выдающуюся роль не только в географическом, но и музейном деле нашей страны вообще, по воле злого случая оказалась вписанной... детская колония, занимавшая один из флигелей дворца.

Увы, в первые послереволюционные годы у руководства страной и Петроградом главенствовала сомнительная идея, как мы ее теперь называем «остаточного принципа», в которой культура среди государственных забот стояла на одном из последних мест. И не удивительно, что в этих условиях колония «съела» музей. В Михайловском он так и не открылся. Осенью 1921 г. пришло распоряжение о переводе коллекции в Петроград, причем без указания нового помещения.

На помощь поспешил Географический институт. Его директор С. Я. Эдельштейн предложил музею здание студенческого общежития института в бывшем особняке купца-пивовара Дурдина на Екатерининском канале, только что переименованном в канал Грибоедова. Здание было тесным для музея,

в нем было повреждено отопление и электропроводка, но рассуждать, как говорится, не приходилось.

И в декабре по санному пути имущество музея было перевезено сюда из Михайловского.

«Так кончился первый акт музейной драмы»,— вспоминает Семенов-Тян-Шанский об этом периоде. Начался ее «второй акт» — период, названный им «годами музейного кустарничества» (с 1923 по 1929 г.).

Может показаться невероятным, но уже 30 января 1923 г. спешно составленная экспозиция в новом помещении была представлена студентам и преподавателям Географического института. Официальное открытие музея состоялось 10 июня 1923 г., во время Петроградской губернской музейной конференции. В 1924 г. вышла первая статья Семенова-Тян-Шанского о Центральном географическом музее и его задачах³.

В январе 1929 г. из-за капитального ремонта здания на канале Грибоедова музей переехал в третий и последний раз в бывший особняк графа Бобринского на Красной (бывшей Галерной) улице. Площадь новых музейных помещений была огромной — около 3000 м²,— в несколько раз больше прежней. Несмотря на все трудности, музей был вновь открыт в начале июля 1929 г., и с этого момента начался период его подъема и расцвета. Наконец-то музей смог по-настоящему развернуть свои фондовые богатства: были организованы тематические передвижные выставки, которые только в 1932 г. увидели 30 тыс. человек, появились новые панорамные макеты, рельефные карты, модели и панно (работы Б. И. Лебединского и В. П. Семенова-Тян-Шанского). Организовывались и экспедиции сотрудников музея, привозивших много материалов. Чтобы дать представление об основных законах, управляющих комплексами географических явлений, был задуман отдел общей географии.

В начале 1933 г. в одном из документов Госплана СССР музей был даже объявлен «ударным». Спустя много лет известный советский географ Н. Н. Баранский, участник I Всесоюзного географического съезда в Ленинграде (апрель, 1933), вместе с другими делегатами посетивший музей, подчеркивал, что Центральный географический музей «вырос в замечательное учреждение, не имевшее себе равных ни у нас, ни за границей. Через этот музей прошли все школьники Ленинграда и масса иностранных эк-

курсантов. Музей имел исключительно большое значение. Люди, совершенно посторонние географии, пройдя по залам музея, с неподдельным восторгом заявляли: „Теперь я понял, что такое география“⁴.

...Тут стоит, пожалуй, на время превратить летопись музея и вернуться к его сущности — идее, которая была в него заложена, и целям, для достижения которых он был создан.

Уже в 1938 г., будучи изгнанным из своего «любимого детища», Семенов-Тян-Шанский в статье «Идея географического музея», написанной по предложению президента Географического общества Н. И. Вавилова, подчеркивал: «Сознательной и полноценной человеческой жизни, измеряемой примерно лет в 60, явно не хватает для того, чтобы при самых благоприятных условиях лично посетить и на месте основательно изучить все те 120 (приблизительно) политических стран... какие в наше время существуют на земном шаре, а также и все океаны, моря, и озера. Вот истинный первоисточник **идеи географического музея** вообще. Но самые детальные их изображения можно собрать и показать в **одном специально выстроенном здании**, дополнив их живыми предметами растительного и животного мира в окружающих это здание **парке и теплицах**. Отсюда — идея географического парка, тесно и неразрывно связанного с музеем. Идея высокая, пленительная по своей величавости и глубине. <...>

В музее должно быть достигнуто, до малейших деталей включительно, **гармоничное сочетание строго научных и глубоко художественных требований**, ибо без последних непосредственное воздействие его на посетителя было бы значительно меньше. Ничего безвкусного, аляповатого, лубочного, плакатного, кричаще-рекламного, халтурного. <...>

При создании и устройстве географического музея мы идем **от общего к частному** в строго логической цепи, ибо только тогда получается известный последовательный порядок впечатления у зрителя, который иначе неизбежно беспомощно растерялся бы в массах выставочного материала. А массы эти необходимы, чтобы правильно и достаточно полно отобразить все великое разнообразие мира и его отдельных частей»⁵.

⁴ Баранский Н. Н. // География в школе. 1946. № 1. С. 50.

⁵ Семенов-Тян-Шанский В. П. // Изв. Всес. геогр. об-ва. 1938. Т. 70. Вып. 2. С. 201—231.

³ Семенов-Тян-Шанский В. П. // Музей. 1924. № 2. С. 46—50.

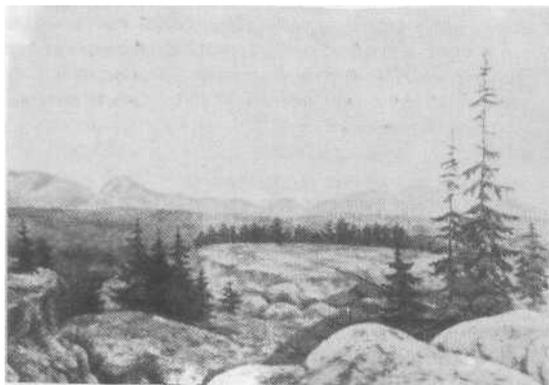
Живописные экспонаты музея.

Лесотундра на Мурмане. Рис. В. П. Семенова-Тян-Шанского по фотографии.

Использование крутых скал для сельскохозяйственных целей. Этуд с натуры В. П. Семенова-Тян-Шанского.

Хибинские горы. Рис. В. П. Семенова-Тян-Шанского по этюду с натуры.

Бревенчатая гать на Кольском п-ове. Этуд с натуры Альб. Н. Бенуа.

Из этого вытекала созвучная идеям В. И. Вернадского задача показа закономерных связей мертвой и живой природы, т. е. твердой, жидкой и газообразной оболочек земного шара с растительностью, животным миром и человеком.

Сохранилось письмо П. А. Кропоткина от 8 сентября 1920 г., в котором, оценивая замысел Семенова-Тян-Шанского организовать комплексный географический музей, он, в частности, пишет: «Музей, конечно, расширит знание и понимание различных видов земной поверхности, их распределение, их происхождение, а следовательно, и жизнь Земли, и историю ее населения, его передвижений и т. д. Он будет приучать нас смотреть на земной шар как на живое целое. А это... будет содействовать любви обитателей Земли к своей общей родине и к уяснению высших философских задач в жизни человека»⁶.

Вот почему коллекции музея привязывались к физико-географическим областям, а не к административным районам и границам государств. Главным объектом показа стала территория СССР: экспонаты, относящиеся к зарубежным территориям, были представлены лишь выборочно в порядке сравнительного страноведения.

В январе 1931 г. над музеем снова стали сгущаться тучи: Семенова-Тян-Шанского вместе с тогдашним президентом Географического общества Ю. М. Шокальским вызвали в Смольный, где им объявили о переводе общества в помещение музея. Оба руководителя ведущих географических учреждений страны немедленно направили в Кремль телеграмму с резким протестом против этого решения. В результате общество оставили в покое, а музей наполовину уплотнили, предоставив 1500 м² организации «Гипровод». У Семенова-Тян-Шанского от волнения стали отниматься ноги, несколько суток, не вставая, провел он в постели.

⁶ Архив Геогр. об-ва СССР. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 55.

Из-за бесхозяйственности «Гипровода» летом 1931 г. в здании вспыхнул пожар, в результате которого пострадал краеведческий отдел музея, затем помещение «Гипровода» было отдано новым уплотнителям. Лишь в 1935 г., после выхода в 1934 г. нового закона об охране музеев, все здание, наконец, было возвращено музею.

Любопытно, что в том же 1931 г. в Наркомпросе снова возникла идея природного парка-музея под Ленинградом. Семенов-Тян-Шанский выбрал участок близ станции Всеволожской в 20 км от Ленинграда. Разнообразный рельеф, леса, озера, даже вид на Ленинград — все в этом месте подходило для этой цели. Началась разработка проекта, заверенная в 1933 г. и одобренная Географическим обществом, Наркомпросом и Ленсоветом. Прошел слух о том, что проектом заинтересовался лично С. М. Киров, но ожидаемая встреча с ним так и не состоялась. После убийства Кирова в декабре 1934 г. в Ленинграде начались массовые репрессии, от которых пострадал и музей, лишившийся в одночасье заместителя по научной части А. И. Филиппова и 6 других сотрудников.

Летом 1935 г. выяснилось, что станция Всеволожская попала в закрытую зону, возник новый проект музея — в пос. Богословке, на берегу Невы выше Охты, но и он остался нереализованным.

Несмотря на все эти беды, музей не сдавался. Когда в феврале 1934 г. в Географическом обществе отмечалось 15-летие Центрального географического музея, в его экспозиции находилось свыше 3 тыс. экспонатов, в том числе около 500 картин. Основной классификации по-прежнему оставались физико-географические районы, но понимаемые комплексно — в единстве с их экономико-географическим содержанием. В 1936 г. бюджет музея достиг более полумиллиона рублей, фонды — 16 тыс. единиц хранения, коллектив — 50 человек. Авторитет музея никогда не стоял еще так высоко!

Но злой рок преследовал детище Семенова-Тян-Шанского. На этот раз он нашел свое воплощение в новом ученом секретаре — Н. Д. Захарове, в мае 1936 г. сменившем на этом посту (против воли директора) Б. Г. Городкова. Карьера Захарова сродни карьере многих подобных ему гонителей науки и культуры. Когда-то Захаров читал в университете диамат и попутно травил видного географа и биолога Л. С. Берга. Будучи изгнан из Ленинградского университета, уехал на Дальний Восток, затем в Среднюю Азию. Дилетант и в географии, и в музейном деле, он утверждал, что предложенный

Наркомпросом «профиль» музея, утвержденный в 1933 г. Н. К. Крупской, «безграмотен» и что основой физической географии является... промышленность. В результате такой философии музей лишился восьми своих лучших, наиболее знающих и опытных работников, а экспозиция была переориентирована на решение «новых задач».

В 1936 г. из Москвы пришел инспирированный Захаровым ультиматум о полной перепланировке экспозиции музея в двухмесячный срок по административно-территориальному делению.

Семенов-Тян-Шанский отправил на имя наркома просвещения СССР А. С. Бубнова прошение об отставке по состоянию здоровья и одновременно письмо, где он объяснил подлинные мотивы ухода.

В воспоминаниях Семенова-Тян-Шанского читаем: «Я добровольно, тихо отошел от своего бесконечно дорогого детища — Географического музея, на который в течение почти 18 лет любовно положил неисчислимое количество самоотверженного, честного, светлого, идейно чистого, ничем не запятнанного личного труда. Ради чего я старался? Мое положение было похоже на положение родителей, с нежной заботливостью взрастивших детей, от которых потом приходится отрекаться, потому что они безнадежно погрязли во всевозможных пороках».

В Наркомпросе отставка Семенова-Тян-Шанского вызвала замешательство: все, к кому обращались с предложением занять его место, — и Л. С. Берг, и С. Я. Эдельштейн, и К. М. Дерюгин — отказывались это сделать из солидарности. Не было достойной замены — нашли недостойную, назначив временно исполняющим обязанности... невежественного Захарова, «кашевара» (по выражению Семенова-Тян-Шанского) всей музейной истории. Спустя полгода Захаров довел дело до полного развала и закрытия музея.

15 марта 1937 г. в «Ленинградской правде» появился фельетон «О враждебной концепции В. П. Семенова-Тян-Шанского», подписанный псевдонимом «С. Кара». Что у Захарова было на уме, у фельетониста оказалось на языке: "...нет в этом «географическом» музее ни СССР, ни союзных республик, ни областей. <...> Москвы тоже в Музее нет. Совершенно никак, абсолютно нет. Совхозов тоже нет. Социалистического земледелия и его влияния на «голую землю» тоже нет. Оросительных систем, новых железных и автомобильных дорог, гигантских мостов через реки, районов сельскохозяйственных культур — ничего этого нет.

А что есть? Идеализация дореволюционной деревни — есть. Сочувствие к русским колонизаторам Кавказа и Средней Азии — есть. Красочные, «художественные» полотна, изображающие чертополох и другие сорные травы на полях Украины — есть. Все есть, что нужно для искажения советской действительности.

И все это не случайные ошибки, даже не цепь ошибок. Все это враждебная, антисоветская концепция, система взглядов профессора В. П. Семенова-Тян-Шанского, этого раздутого авторитета в географии⁷.

Семенов-Тян-Шанский не стал спорить с газетой. Но в ЦК ВКП(б), АН СССР, Главнауку и Ленинградскую прокуратуру написал⁷.

Очередная сессия группы географии и геофизики АН СССР в Москве рассмотрела вопрос о фельетоне в «Ленинградской правде». Специальная комиссия: Н. Н. Баранский, Ю. М. Шокальский и А. И. Соловьев — вынесла заключение о несоответствии изложения фельетонистом фактам.

13-месячная карьера Захарова в музее закончилась в июне 1937 г. Он был снят с работы за развал музея. Но удержать или поднять заново географический музей было уже невозможно, ибо, по выражению его основателя, «душа от него отлетела».

Безрезультатными были хлопоты о передаче музея в ведение Географического общества. Не помогла и Академия наук. А. А. Григорьев, возглавлявший Институт географии, которому еще в 1937 г. было поручено изучить вопрос о музее, заявил, что он имеет лишь «учебное значение», с чем не соглашались В. И. Вернадский и другие выдающиеся натуралисты.

Когда музей в конце концов был передан Ленинградскому университету, музейное помещение занял сначала заочный сектор университета, а потом... ремесленное училище. В начале 1941 г. последовало постановление Ленсовета и ректората ЛГУ о закрытии музея. Может быть, он и возродил-

ся бы вновь, если бы сохранились его фонды. Но их разбазаривание началось сразу же после ухода Семенова-Тян-Шанского: некоторые из его картин загадочным образом появились на стенах Этнографического музея, в кабинетах и аудиториях ЛГУ. Семенов-Тян-Шанский обратился с письмом в ЦК ВКП(б), в котором писал: «...я, как создатель и бывший долготелый руководитель Музея, считаю своим нравственным долгом высказать следующее: передача имущества ЦГМ Университету окончательно его сгубит. Собрания все раздробятся по специальностям, расплытятся. Вместе с тем они останутся недоступными и массовому посетителю, и школам.

Ясно, что Музей как учреждение необходимо сохранить и прежде всего вернуть ему целиком его помещение для возможности дальнейшей работы. Я со своей стороны всегда готов помочь этому делу по мере своих сил⁸.

Таким образом, Центральный географический музей просуществовал два десятилетия, и почти три десятилетия о нем не вспоминали. Лишь в декабре 1970 г. на проходившем в Ленинграде V съезде Географического общества СССР был поднят вопрос о восстановлении музея. В качестве первого шага было решено организовать в 1971—1974 гг. Музей истории Географического общества СССР. И он действительно был открыт... спустя 16 лет, в декабре 1986 г. на втором этаже занимаемого обществом особняка, в переулке Гривцова в Ленинграде. А о Центральном географическом музее, кажется, вовсе забыли. Правда, в начале марта 1987 г. по Ленинградской программе телевидения рассказали о плачевном состоянии бывшего особняка Бобринского, прозвучала мысль о реставрации здания и о воссоздании в нем Географического музея. Присоединяюсь к энтузиастам ленинградского ТВ.

В этом или другом здании наш современник должен иметь возможность познавать окружающий нас изменяющийся мир природы и общества.

⁷ Там же. Ед. хр. 55 и 255.

⁸ Там же. Ед. хр. 255. Л. 8. (черновик письма).